

Одноклассники, услышав их диалог, слегка удивились: ведь ракетки для настольного тенниса лежали внизу, зачем же просить кого-то помочь достать их?

Линь Чжи продолжал смотреть на Сун Цзячжу и добавил:

— Ракетки для бадминтона.

Линь Чжи был уверен: если бы Сун Цзячжу мог говорить, он бы наверняка высказал крайне нелюбезные слова.

Но он не мог говорить, а лишь выразил своё изумление и гнев парой глубоких, тёмных глаз.

Даже переживший немало бед, познавший человеческую злость и закрывшийся в собственном мирке юноша, столкнувшись с тем, что человек, угрожавший ему секунду назад, в следующее мгновение так слабо и естественно просит о помощи, невольно выругался про себя: «Бесстыдство».

Сун Цзячжу попытался вытянуть полу своей рубашки и уйти, но услышал, как кто-то из одноклассников в кладовой удивлённо спросил:

— Разве здесь есть ещё и ракетки для бадминтона? Я думал, их нет, и уже собирался играть в настольный теннис.

Взгляд одноклассника обвёл шкаф, зацепился за самый его верх, где выглядывал краешек ракеток для бадминтона, и тот не удержался от ворчания:

— Какого чёрта их засунули сюда, совсем совесть потеряли?

Обычно весь спортивный инвентарь хранили на средних и нижних полках, чтобы ученикам было удобно его брать и складывать на место.

Этот парень был не слишком высокого роста и, даже подпрыгнув пару раз, не смог дотянуться. С неловким видом он посмотрел на Линь Чжи и Сун Цзячжу.

Сун Цзячжу подошёл, снял ракетки и протянул их тому пареньку.

Линь Чжи тихонько хмыкнул про себя, но ничего не сказал.

— Вы играете? Не хотите взять меня третьим? Можем меняться по очереди, как запасные. Если не хотите, ничего страшного, я пойду в настольный теннис сыграть.

Парень тоже замер с ракетками в руках и обратился к Линь Чжи:

— Да нет, играйте сами, всё равно мне не с кем, да и особо не хочется.

Линь Чжи посмотрел на удаляющуюся спину Сун Цзячжу и мягко произнёс:

— Ничего страшного.

Он говорил, низко опустив голову, как и подобало первоначальному владельцу тела, избегая смотреть людям в глаза.

Парень почувствовал себя неловко. Он уже хотел было пригласить его присоединиться, но заметил, что тот тоже направляется к выходу. Почесав в затылке, он расписался в журнале учёта и радостно выбежал на улицу с ракетками в руках.

За складом Линь Чжи неспешно шёл вперёд.

Сун Цзячжу шагал быстро, но у Линь Чжи был ноль-первый, способный безошибочно определять его координаты.

В уединенном углу Сун Цзячжу нахмурился, снова увидев перед собой Линь Чжи.

На его лице было чётко написано слово «нежеланный», и после всех угроз — зачем этот парень снова увязывается за ним?

Линь Чжи достал из кармана влажную салфетку, тщательно протер пустующее место рядом с Сун Цзячжу и присел рядом.

— Кажется, у тебя большие проблемы с деньгами. Хочешь, я подскажу тебе способ заработать?

Линь Чжи оперелся локтями о колени и, подперев лицо рукой, посмотрел на Сун Цзячжу.

— Поможешь мне с подтягиванием хвостов по учебе? После вечерней самоподготовки, два часа в день, сто юаней в час. Даже если не наберётся целый час, оплачу как за полный. Ну как?

Линь Чжи требовалось больше способов подобраться к Сун Цзячжу, влиться в его жизнь, и это предложение было отличным предложением.

Сун Цзячжу покачал головой, оставшись глух к его словам.

Если бы не опасение, что Линь Чжи снова потащится следом, он бы сейчас же пересел в другое место.

— Считаешь, что мало? Могу доплатить.

Линь Чжи в очередной раз истолковал отказ Сун Цзячжу по-своему. С навыками и статусом Сун Цзячжу частные уроки стоили бы куда дороже.

Но проблема заключалась в том, что он не мог говорить. Это обстоятельство практически закрывало перед ним любые двери в качестве репетитора. Раз он был лишён дара речи, то даже с самыми блестящими оценками ни один родитель не рискнул бы его нанять.

Сун Цзячжу взял ручку, быстро чиркнул пару строк на черновике и поднёс бумагу к самому лицу Линь Чжи.

Дело не в деньгах. Я не согласен заниматься с тобой, оставь меня в покое.

Последняя точка свидетельствовала об аккуратности и упрямстве Сун Цзячжу.

— Ой, я внезапно ослеп, ничего не вижу, — лениво протянул Линь Чжи, достал из кармана сто юаней и бросил их на черновик Сун Цзячжу. — Это аванс за сегодняшний вечер.

Когда вокруг не было ни души, тихий и замкнутый юноша являл миру своё истинное лицо.

Сун Цзячжу швырнул деньги обратно и поднялся, собираясь уйти.

Но прежде чем он успел сделать шаг, чья-то рука бесстыдно вцепилась в его брюки.

— Маленький немой, если сделаешь ещё хоть шаг, я стяну с тебя штаны. Если хочешь, чтобы над тобой посмеялась вся школа, продолжай в том же духе.

Сун Цзячжу глубоко вздохнул, сжав учебник так сильно, что тот деформировался.

— Ты что, собираешься пожаловаться учителю и попросить пересадить тебя? От меня это тебя не спасёт. С чего бы мне верить, что ты не разболтаешь мои секреты посторонним? Только пока ты у меня перед глазами, я могу быть спокоен.

— После промежуточных экзаменов можно будет сменить места. Позанимайся со мной до тех пор, а потом выбирай себе в соседи по парте кого угодно, я больше к тебе не пристану. Идет?

Первый пробный тест прошёл после праздника Национального дня, всего несколько дней

назад. Сразу после экзаменов в первом классе перетасовали места, и по заведённому порядку следующая пересадка должна была состояться после промежуточных испытаний.

Промежуточные экзамены намечались примерно на середину ноября. Хотя точных дат он не знал, было ясно, что до них оставалось около месяца.

Правила рассадки в элитном первом классе зависели от успеваемости: ученик с наивысшим баллом выбирал место первым, затем определялся с соседом, за ним шёл второй номер, и так далее — чем выше рейтинг, тем больше свободы выбора.

Месяц — срок и впрямь небольшой, но Линь Чжи и не рассчитывал влюбить в себя Сун Цзячжу за какие-то тридцать дней. Зато оставить в его жизни заметный след вполне удастся.

Чтобы проникнуть в чье-то сердце, нужна близость, но постоянное присутствие бок о бок ни к чему — порой излишняя назойливость только мешает. Во всём важны чувство меры и такт.

Сун Цзячжу по-прежнему хотел отказаться. Он не желал иметь ничего общего с этим человеком, точнее, он вообще не хотел ни с кем сближаться, а уж тем более с теми, кто способен разрушить хрупкое умиротворение его жизни.

Однако рука, сжимавшая ткань его брюк, усилила хватку, потянув вниз с недвусмысленной угрозой.

Сун Цзячжу подумал, что Линь Чжи не помешало бы показаться врачу: шизофрения ли это, извращённые ли наклонности, но этот парень был куда ненормальнее любого инвалида.

Учитывая, сколько хлопот от таких людей, и представляя, как Линь Чжи будет преследовать его повсюду, неотступно следя за каждым шагом, Сун Цзячжу решил покончить с этим раз и навсегда.

Он перехватил запястье руки, державшей его за одежду, и с силой заставил Линь Чжи разжать пальцы, попутно пытаясь припугнуть его суровым взглядом.

Но стоило ему повернуться, как он ошеломлённо встретился глазами с полными слёз глазами.

— Мне больно.

Глаза Линь Чжи подёрнулись влажной дымкой, превращаясь в чистые капли слёз, что вот-вот сорвутся вниз.

Его запястье было зажато в чужой руке, брови слегка сведены к переносице, изображая полную беспомощность жертвы издевательств, а взгляд казался донельзя невинным.

Сун Цзячжу испуганно разжал пальцы. Заметив красный след от собственного пальца, оставшийся на запястье Линь Чжи, он поджал губы.

Он уже собирался снова схватиться за черновик, чтобы вывести послание: раз больно, то и нечего угрожать мне, — но не успел он опустить ручку, как увидел, что худенький юноша сквозь слёзы расплылся в улыбке.

— Ну что, подумал, маленький немой?

Пока он произносил эти слова, крупная слеза стремительно скатилась по щеке, выглядя одновременно трогательно и невыносимо вредно.

Бесстыдник! Бесстыдник! Сун Цзячжу дважды выругал его про себя — в последнее время он крайне редко испытывал столь сильные эмоциональные всплески.

Успокоив себя мыслью, что потерпеть придётся всего месяц, Сун Цзячжу взял себя в руки.

Через месяц — промежуточные экзамены, и тогда он сможет сменить соседа по парте, избавившись от общества этого психопата, и всё вернётся на круги своя.

Сун Цзячжу стремительно набросал ответ на листке и пододвинул его к Линь Чжи.

— Идёт. После экзаменов больше ко мне не приставай.

— Договорились.

Линь Чжи поднялся на ноги, аккуратно слобил сто юаней и вложил их в ладонь Сун Цзячжу.

К счастью, родители первоначального владельца тела испытывали чувство вины за то, что оставляли сына одного, поэтому карманных денег давали вдоволь — имевшихся у Линь Чжи средств вполне хватало на оплату репетиторства.

Сун Цзячжу ушёл. На этот раз Линь Чжи не стал преследовать его.

Он стёр влагу с глаз салфеткой и посмотрел на покрасневшее запястье.

Хватка крепкая, физическая сила на уровне — результат его вполне устраивал.

Ноль-первый обеспокоенно подал голос: [Хозяин, а если через месяц ничего не выйдет, как тогда к нему подступаться?]

Линь Чжи весело ответил: [Ничего страшного, злодеи всегда нарушают свои обещания.]

Ноль-первый на мгновение остолбенел от такого ответа, но нашёл его весьма здоровым.

Хозяин в этом мире казался каким-то особенным, хотя роли придерживался исправно.

Поразмыслив над показателем благосклонности Линь Чжи, ноль-первый немного успокоился: как ни крути, всё это доказывало, что его подопечный — прекрасный человек, а отношение к самому ноль-первому подтверждало: он просто ангел во плоти, да ещё и такой способный.

Перед самым звонком с урока физкультуры учитель свистнул, призывая всех строиться.

Часть учеников отправилась относить спортивный инвентарь в кладовую, остальные выстроились в колонны для переклички.

Линь Чжи встал рядом с Сун Цзячжу, тихонько опустив голову.

— Будешь конфетку? Мы перед уроком купили.

Линь Чжи почувствовал, как кто-то тыкает его сзади, и слышал приглушённый шёпот.

Это была та самая девочка, с которой он перебрался парами слов во время пробежки. Линь Чжи помнил её имя — Хэ Юйцин. Староста класса по английскому языку, круглолицая короткостриженная девчонка с живым и общительным характером.

Даже к такому тихому и незаметному ученику, как прежний хозяин тела, она всегда относилась приветливо.

— Спасибо.

Линь Чжи принял угощение, и в его ладонь легло клубничное альпенлибе.

Хотя приходилось отыгрывать роль, Линь Чжи не собирался и дальше оставаться классной серой мышкой. Связи важны в любой ситуации, и в дальнейшем помощь одноклассников могла сильно пригодиться.

Во рту растеклась сладость, а обёртку Линь Чжи зажал в кулаке, выжидая момент, чтобы выбросить.

Учитель рассчитал время идеально: едва закончилась перекличка, прозвенел звонок на перемену, и ученики потянулись обратно к учебному корпусу.

По дороге к зданию стояла урна, и Линь Чжи мимоходом бросил в неё фантик, заметив идущего навстречу высокого парня.

Тот был ему незнаком, но прежний владелец тела знал его отлично.

Староста параллельного класса, в которого безответно был влюблен прежний Линь Чжи — Сюй Леян.

В первом семестре второго года обучения они целых полгода учились в одном классе. Тогдашний Линь Чжи пытался угнаться за ним и упорно учился, в итоге попав в первый класс, тогда как этот парень остался во втором, из-за чего первый какое-то время пребывал в глубокой депрессии.

Сюй Леян вполне оправдывал своё имя — яркий, словно солнце, всеобщее внимание всегда было приковано к нему. Высокий, красивый, помешанный на баскетболе. Неудивительно, что застенчивый владелец тела потерял от него голову.

Впрочем, Линь Чжи не планировал с ним сближаться. Он мог увиваться за Сун Цзячжу, но изображать из себя помешанного маньяка ради Сюй Леяна он не собирался и нужды в этом не видел.

Опустив голову, Линь Чжи разминулся с Сюй Леяном. Тот выбросил мусор в урну и на секунду обернулся вслед Линь Чжи.

— Ян-гэ, пошли, чего застыл?

Следующим уроком у второго класса была физкультура, и кто-то из парней закинул руку Сюй Леяну на плечо, озадаченно окликнув его.

— Ничего.

Сюй Леян покачал головой и, улыбаясь, зашагал дальше.

Линь Чжи вернулся в класс, где Сун Цзячжу уже сидел на своём месте.

От него исходило то особенное спокойствие, что не зависит от внешнего мира. Эта тишина не бросалась в глаза, но стоило кому-то обратить на него внимание, как эта обособленность тут же начинала выделяться.

Линь Чжи по-прежнему считал его злобно искрящиеся глаза куда более забавными и ловил себя на том, что ему нравится это вредное мальчишеское озорство по отношению к младшим.

Следующие два урока химии Линь Чжи слушал учителя и делал конспекты, а в свободные минуты то и дело теребил ремешок рюкзака Сун Цзячжу.

Его пальцы накручивали край лямки, отпускали и снова принимались за своё.

Сун Цзячжу не смотрел на него, но его внимание поневоле рассеивалось из-за этих мелких движений.

Линь Чжи не задевал его самого, но парень чувствовал, как в его личное пространство вторгаются непрошенные манипуляции, действовавшие ему на нервы.

На парте перед Линь Чжи появилась исписанная гением черновая бумага. На ней всего четыре иероглифа.

— Слушай внимательно.

Линь Чжи набросал ответ и вернул листок обратно.

— Я же тебя не трогаю.

После этого Линь Чжи продолжил одной рукой крутить ремешок сумки Сун Цзячжу, а другой делал вид, что прилежно конспектирует, глядя на доску.

Сун Цзячжу больше не стал передавать записки и с ледяным видом сбросил рюкзак на пол.

Он понял, что препираться с Линь Чжи —дохлый номер: говорить тот не умел, а сам Линь Чжи отличался на редкость прилипчивым характером.

Когда рука Линь Чжи пересекла границу парты и протянулась к нему, Сун Цзячжу, помня недавнюю записку, решил, что тот лезет к нему лапаться, и молниеносно отдёргнул руки.

Однако Линь Чжи всего лишь взял лежавшую на столе красную ручку и бросил на соседа многозначительный взгляд.

Сун Цзячжу не чувствовал смущения — от него во все стороны исходило непреодолимое желание держаться подальше.

Вскоре на краешке его выдвижного ящика парты появилась записка.

Сун Цзячжу понятия не имел, что тот на этот раз выдумал, и даже не собирался проверять, уставившись на доску и демонстрируя полнейшее равнодушие к посланию.

После окончания уроков Сун Цзячжу думал, что Линь Чжи снова увяжется за ним, но с удивлением обнаружил, что тот ушёл первым.

Он чуть облегчённо выдохнул, хотя брови всё равно оставались нахмуренными.

Он редко о чём-то сожалел в жизни, но сейчас искренне жалел, что вообще зашёл вчера в тот книжный магазин — иначе бы он никогда не столкнулся с этим Линь Чжи.

Наряд Линь Чжи он разглядывать не стал, в памяти запечатлелось лишь женское платье да испуганное лицо человека, чью тайну случайно раскрыли, после чего они просто разошлись в разные стороны.

Наводя порядок на парте, Сун Цзячжу наконец достал из ящика ту злосчастную записку.

Буквы были выведены красным — судя по всему, той самой ручкой, что он у него взял.

[Не переживай, хоть мне и нравятся парни, на тебя у меня не стоит.]

Рядом с этой фразой красовался нарисованный от руки смайлик.

Сун Цзячжу легко мог представить физиономию своего новоиспечённого соседа, когда тот выводил эти строки. Он порвал записку в клочья и швырнул вместе с другими бумажками в мусорное ведро у задней двери класса.

Наверняка тот заглядывался на какого-то другого парня, за которым тайком таскался. Впрочем, Сун Цзячжу не интересовало, кто именно стал объектом его страсти.

Ему было всё равно, он лишь мечтал, чтобы этот месяц пролетел как можно скорее.

Ужинать в столовой Линь Чжи не стал — это было сродни пытке.

Девятая средняя школа была полуинтернатом, ученики могли жить как в общежитии, так и дома. И Линь Чжи, и Сун Цзячжу относились к последним.

У школьных ворот теснилось множество лавочек и закусовых, а вдоль широкой проезжей части выстроились лотки торговцев.

Оглядев ряды магазинчиков, Линь Чжи выбрал лапшичную.

Сделав заказ, он тихо устроился за столиком в самом углу.

Вскоре в заведение завалилась шумная компания парней. Они шутили, дружески переругивались с хозяином, сделали заказ и уселись прямо перед столиком Линь Чжи.

Линь Чжи поднял взгляд и неожиданно столкнулся глазами с Сюй Леяном, сидевшим за соседним столом лицом к нему. Тот тоже заметил его, коротко глянул и тут же отвёл глаза.

Линь Чжи опустил ресницы, отметив про себя, что поведение прежнего владельца тела, судя по всему, было не столь скрытным, как тому казалось — во взгляде этого парня читалось едва сдерживаемое отвращение, пусть и мелькнувшее лишь на мгновение. Впрочем, Линь Чжи было всё равно, лишь бы это не мешало выполнению задания.

Из-за вечернего наплыва посетителей свободных мест почти не оставалось, и вскоре напротив Линь Чжи подсели еще двое.

Линь Чжи оказался загорожен ими, а когда те поели и ушли, Сюй Леян обнаружил, что место напротив него уже пусто.

Вечерняя самоподготовка в выпускных классах Девятой средней школы заканчивалась в десять часов. Под уличными фонарями родителей ждали у ворот свои чада, другие ученики разъезжались на велосипедах.

Линь Чжи крутил педали быстрее обычного и приехал к воротам заранее, чтобы подкараулить Сун Цзячжу.

Сун Цзячжу жил неподалеку, в старом жилом квартале. Девятая средняя школа была построена давно, и в те времена поблизости ещё не возвышались новостройки — они появились лишь несколько лет назад.

Школа в своё время выделила Сун Цзячжу, как круглому отличнику и первому ученику потолка, квартиру в этом районе. Конечно, это были далеко не роскошные апартаменты в элитном доме, но вполне ожидаемо.

Сун Цзячжу шёл впереди, а Линь Чжи катил рядом со своей скоростью, то замедляясь, то ускоряясь, пока они не добрались до нужного двора. Пристегнув велосипед к ограждению, Линь Чжи обнаружил, что Сун Цзячжу уже след простыл.

Если бы не метка ноль-первого, Линь Чжи решил бы, что тот сбежал. На самом деле парень просто ждал его в подъезде.

Раз уж он взял деньги, то даже против воли соблюдал условие договора.

Линь Чжи вошёл внутрь и увидел прислонившегося к стене в полумраке юношу.

Тонкие черты лица выглядели холодными и отстранёнными, напоминая сумрачную тень дерева в ненастный день.

У Линь Чжи не было и тени угрызений совести за то, что он третирует маленького немого, и он молча последовал за ним вверх по лестнице.

Добравшись до третьего этажа, Сун Цзячжу отпер дверь.

Никаких дополнительных уговоров не потребовалось — они оба молча подразумевали, что заниматься будут дома у Сун Цзячжу, благо это было ближе и удобнее всего.

Сун Цзячжу жил в квартире со средним расположением окон: небольшая однокомнатная с гостиной.

Но хоть заведение и было крошечным, в нём нашлось всё необходимое: кухня, санузел, спальня, гостиная и даже крошечный балкон.

Сун Цзячжу молча указал на стол в гостиной, давая понять, что заниматься они будут здесь.

Приглашать Линь Чжи в свою спальню он не собирался, да и Линь Чжи пока не планировал лезть в чужие личные покои.

Бросив рюкзак на диван, Линь Чжи разложил вечерние задания по математике, химии и биологии, выискивая те места, где плавал больше всего.

Из-за скудности усвоенных знаний он многое позабыл и частенько задавал настолько элементарные вопросы, что достаивался долгих, тяжёлых взглядов со стороны Сун Цзячжу.

— Так нужно делать?

— Ой, а я и не знаю.

— Не понял. Объясни ещё раз... То есть, нет, напиши сам, пожалуйста.

— Маленький немой, ты правда совсем не можешь говорить? Это врождённое или приобретённое?

— Я не понимаю эту задачу. Можешь писать чуть медленнее?

Сун Цзячжу с силой водил стержнем по бумаге, казалось, ещё чуть-чуть — и он прорвет тетрадь насквозь.

Он ещё никогда в жизни так истово и со злостью не желал, чтобы этот болтун тоже оказался немым. Как же сильно он хотел, чтобы тот просто заткнулся.

Наблюдая за тем, как парень изо всех сил пытается сохранить самообладание, Линь Чжи лишь сильнее улыбнулся про себя.

Занятия затянулись до полуночи, и Линь Чжи отсчитал Сун Цзячжу очередную сотню юаней.

— Лень мне тащить портфель, захвати его завтра в школу. Если без домашки заявлюсь, скажу всем, что забыл у тебя дома.

Линь Чжи закрыл за собой дверь. Сун Цзячжу подцепил оставленный ему рюкзак кончиком пальца и бросил его у самого порога, словно кучу мусора.

Какой же невыносимый, досадный, фальшивый тип. Глядя на календарь, Сун Цзячжу с тоской подумал, что время ещё никогда не тянулось так мучительно медленно.

Прозанимавшись у Сун Цзячжу почти неделю, Линь Чжи исправно платил за два часа каждую ночь, хотя далеко не всегда высиживал их до конца. Разобравшись с уроками, он мог посидеть в телефоне или беззастенчиво включить музыку прямо в чужей гостиной.

Все попытки Сун Цзячжу остановить это не приносили результатов. Поняв, что Линь Чжи упивается возможностью поиздеваться над его немотой, он просто уходил к себе в комнату и больше не обращал внимания на то, когда тот соизволит уйти.

Первые пару дней Линь Чжи уходил налегке, но дальше стало только хуже — он вообще перестал носить портфель, сваливая учебники на парту Сун Цзячжу и заставляя того таскать их за собой.

После перехода в выпускной класс единственный выходной день в Девятой средней школе — воскресенье — сократили до половины.

В воскресенье после обеда Сун Цзячжу по традиции отправился читать в книжный магазин.

На этот раз он намеренно задерживался там как можно дольше, отчаянно не желая снова наткнуться на своего соседа в женском платье — при одной мысли о Линь Чжи у него срабатывал условный рефлекс побега.

Линь Чжи никуда не уходил и лишь под вечер задумчиво замер перед шкафом с одеждой.

В конце концов он всё-таки вытянул один из комплектов, усевшись перед зеркалом накладывать макияж и закреплять парик.

К счастью, навыки прежнего владельца никуда не делись. Окинув взглядом собственное отражение, Линь Чжи испытал странное, смутное чувство.

Глаза ноль-первого сияли: [Красота!]

Линь Чжи не стал спорить и выудил из ящика чёрные капроновые колготки.

Смущение стало ещё сильнее.

У «девушки» из зеркала были тонкие черты лица, а под пышной копной слегка завитых волос кадык практически не бросался в глаза.

Белая укороченная рубашка в сочетании с малиновой плиссированной юбкой, блёстки во внешних уголках глаз придавали облику невинно-соблазнительный вид — если не всматриваться в каждую деталь, догадаться, что перед вами парень, было почти невозможно.

Дождавшись, когда стемнеет окончательно, Линь Чжи натянул защитную маску и выскользнул за дверь, намереваясь воплотить в жизнь сегодняшний план.

За неделю репетиторства он уже добыл то, что ему было нужно.

В половине двенадцатого ночи Сун Цзячжу, собиравшийся отойти ко сну, был разбужен телефонным звонком.

Покосившись на экран, он некоторое время помедлил, прежде чем нажать на ответ.

— Сун Цзячжу, я у входа в бар, заberi меня.

Голос на том конце провода звучал смазано, создавая ощущение весенней мягкости.

Сун Цзячжу собирался немедленно сбросить вызов — мало того, что он был немым, ему ещё и глухим становиться не улыбалось.

— Отстань от меня... Я же сказал, что меня сейчас заберут, отойди! Мой парень уже едет за мной!

Шум на заднем плане усилился, а хрипловатый голос юноши повысился, словно тот пытался докричаться до кого-то рядом.

Линь Чжи знал, что Сун Цзячжу приедет. Тот пережил в прошлом сильное потрясение, вызвавшее психологический блок и потерю речи, но при всей своей неприязни к Линь Чжи он

был неспособен равнодушно смотреть, как кто-то попадает в беду.

Сун Цзячжу нахмурился, беззвучно открыл рот и, поняв, что звуков издал не может, с тревогой постучал пальцем по стоявшей рядом чашке с водой, требуя, чтобы Линь Чжи продиктовал адрес.

Линь Чжи мгновенно назвал место, и его голос зазвучал сладко и кротко:

— Понял, я буду ждать тебя здесь.

Словно он действительно разговаривал со своим парнем.

<http://bllate.org/book/21583/2223986>